

ПАЛЛАДИЙ, ЕПИСКОП ЕЛЕНОПОЛЬСКИЙ

Лавсаик,

или Повествование о жизни
святых и блаженных
отцов

Палладий
Лавсаик, или Повествование о
жизни святых и блаженных отцов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958249

*Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов: Сибирская Благозвонница; Москва; 2014
ISBN 978-5-91362-835-0*

Аннотация

«Лавсаик» — самый известный труд Палладия, епископа Еленопольского, составленный в первой половине V в. Книга повествует о подвижничестве и образе жизни блаженных святых отцов и отшельников Египта и Палестины. Подвиги их разнообразны, велики и строги. Но их объединяет одна цель — служение Богу и людям, спасение собственной души, ограждение ее от рабства греху.

Текст приводится по изданию: Палладия, епископа Еленопольского, Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. СПб., 1873.

Содержание

Первая часть	5
Предупреждение к изданию на русском языке	5
Предисловие	6
Письмо, писанное епископом Палладием правителю Лавсу	8
Об Исидоре-странноприимце	10
О Дорофее	11
О Потамиене	13
О слепце Дидиме	14
Об Александре	15
О сребролюбивой девственнице	16
О нитрийских подвижниках	18
Об Аммуне	20
Об	22
О Памво	24
О Пиоре	26
Об Аммонии	27
О Вениамине	29
Об Аполлонии	30
О Паисии и Исаии	31
О Макарии, совершившем невольное убийство	33
О Нафанаиле	34
О Макарии Египетском	36
О Макарии Александрийском	39
О Марке	45
О Моисее Эфиопляnine	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Палладий, епископ Еленопольский Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 13-311-1902*

© Издательство «Сибирская Благовонница», составление, 2014

Первая часть

Предуведомление к изданию на русском языке

Писатель этой книги Палладий, родом галатянин, сперва путешествовал несколько лет по разным странам Египта, потом отправился в Палестину, откуда прибыл во Вифинию, где рукоположен был в епископа Еленопольского и имел близкое общение со святым Иоанном Златоустом. Но, защищая святителя от нападений врагов его, он сам принужден был скрываться одиннадцать месяцев в уединенной келье. После того был он в Риме. Все означенные путешествия Палладия, как можно видеть из содержания книги, относятся ко времени с 388 по 404 год по Рождестве Христовом.

В продолжение этих путешествий Палладий с большим усердием собирал сведения о жизни святых и блаженных отцов и некоторых жен и собранные сведения предложил в этой книге, как сам говорит в предисловии, «для возбуждения ревности к подражанию в мужах, желающих вести жизнь небесную... и в пример любви к Богу для жен, хотящих украситься венцом воздержания и чистоты».

Эта книга написана по желанию и убеждению (как видно из предисловия) одного знаменитого мужа, занимавшего при императорском византийском дворе весьма важную должность,¹ по имени Лавс, поэтому и книга посвящена сочинителем ему же и по имени его получила наименование «Лавсаик».

Сократ в четвертой книге своей «Церковной истории», сказав кратко о египетских отцах, желающим более знать о них указывает на книгу, написанную Палладием, и говорит так: «Кто хочет знать, как они (отцы египетских пустынь) жили, что делали, что говорили на пользу слушающих, как им повиновались и звери, — есть особая книга, составленная монахом Палладием, учеником Евагрия. В этой книге он предложил подробные сведения о них, упоминает и о женах, по своей жизни подобных тем мужам, о коих выше сказано».

Православная Церковь дает свое свидетельство о важности этой книги для чад ее тем, что издревле постановила правилом на утрени Великого поста из числа четырех положенных чтений заимствовать два чтения из «Лавсаика» во все дни Святой Четыредесятницы, кроме суббот и воскресений.

¹ В предисловии книги Палладий называет его хранителем богопросвещенного и благочестивого царства, а в заключении — начальником при царском ложе, или постельничим.

Предисловие

В этой книге описаны добродетельное подвижничество и чудный образ жизни блаженных и святых отцов-монахов и отшельников пустынных для возбуждения ревности к подражанию в мужах, желающих вести жизнь небесную; также описаны воспоминания о женах-старицах и богоугодных матерях, с мужественной ревностью подъявших труды добродетельного подвижничества, в пример любви к Богу для жен, хотящих украситься венцом воздержания и чистоты, описаны по желанию одного достопочтеннейшего мужа, и по уму многосведущего, и по нраву тихого, и по сердцу благочестивого, и к нуждающимся в необходимом щедрого, и за честность нравов возведенного на самый верх достоинств, предпочтительно перед многими отличными мужами, и несомненно хранимого силой Духа Божия. Он поручил нам, а лучше, если сказать правду, медлительный на созерцание лучшего ум наш возбудил к соревнованию и подражанию подвижническим добродетелям преподобных и бессмертных духовных наших отцов, поживших в угождении Богу и в великом изнурении тела, – поручил, чтобы мы, описав жизнь непобедимых подвижников, послали это описание к нему с изображением строгих добродетелей каждого из этих великих мужей. Любитель этого богоугодного и духовного желания есть отличнейший муж Лавс, по воле Божией поставленный хранителем богопросвещенного и благочестивого царства.

Я, и необразованный языком, и слегка только вкусивший духовного знания, и недостойный описывать духовную жизнь святых отцов, убоявшись важности поручения, превышающего мои силы, не хотел было принять его, так как оно требует и внешней мудрости, и духовного ведения, но, уважив, во-первых, добродетельную ревность побудившего нас к сему труду, приняв также во внимание и пользу читателей и боясь подвергнуться опасности даже за благовидное непослушание, я приписал наперед это важное поручение Промыслу Божию и, употребив со своей стороны великое тщание, окрыляемый предстательством святых отцов, вступил в подвиги сего поприща. Однако ж описал, как бы в сокращении, только самые высокие дела и знамения доблестных подвижников и великих мужей, и не только знаменитых мужей, проводивших отличную жизнь, но и блаженных и честных жен, подвижавшихся в высоком житии. Священнолепные лица некоторых из них удостоился я видеть сам лично, а небесную жизнь других, уже совершившихся на поприще благочестия, узнал от богоносных подвижников Христовых. Для благочестивой цели с великим усердием обошел я пешком многие города и весьма многие села, также пещеры и все пустынные кущи иноков. И после того, как иное сам я увидел и описал, а другое услышал от святых отцов, изобразив в этой книге подвиги великих мужей и упованием на Христа победивших природу жен, посылаю это описание к любящему слово Божие слуху твоему, украшение наилучших и боголюбезных мужей и слава вернейшего и боголюбезного царства, искренний и хрис толюбивый раб Божий Лавс!

Со свойственной мне краткостью начертал я знаменитое имя каждого из подвижников Христовых, мужей и жен, потом из многих и весьма великих подвигов каждого рассказал только о немногих и весьма кратко, а у большей части из них означил и происхож-

дение, и город (отечественный), и место жительства. Упомянул я и о тех мужах и женах, которые, достигнув самой высокой добродетели, по высокомерию и тщеславию низверглись в самую глубокую бездну, на дно адово, и приобретенные долговременными и многими трудами достолюбезные и великих усилий стоившие совершенства подвижнические, от гордости и надмения потеряли в одно мгновение, но благодатью Спасителя нашего, и попечительностью святых отцов, и состраданием духовной любви исхищены из сетей диавола и по молитвам святых возвратились к прежней добродетельной жизни.

Письмо, писанное епископом Палладием правителю Лавсу

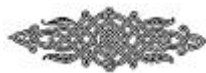

Хвалю твое желание; ты достоин, чтобы начать письмо к тебе похвалой, потому что, когда все заняты суетными вещами, от которых не получают они пользы, ты собираешь книги и хочешь учиться. В учении не нуждается один только Бог всяческих, ибо Он самобытен и другого не было прежде Него, а все прочее имеет нужду в учении, потому что сотворено и создано. Первые чины ангельские имеют своим наставником Всевышнюю Троицу, вторые поучаются у первых, а третьи – у вторых и так далее по порядку, до последних. Совершеннейшие в знании и добродетели учат несовершенных в познании.

Итак, думающие о себе, что не имеют нужды в наставниках, недугуют невежеством, которое есть мать гордости, поэтому они не покоряются тем, кои с любовью учат их. Таким людям предшествуют на пути к гибели за этот же недуг изринутые из небесного жительства демоны, так как и они отвергли небесных наставников.

Но предмет учения должны составлять не слова и складки – такое учение бывает иногда и у самых худых людей, – а добрые качества нрава: беспечалие, безбоязненность, негневливость и дерзновение во всем, которое и слова делает пламенем огненным. Если бы не так было, Великий Учитель не сказал бы Своим ученикам: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Он учил апостолов не красноглаголанием, а благим нравом и никого не огорчал, кроме ненавидевших учение и учителей.

Итак, душа, которая подвизается о Хрис те, должна или сама верно изучить то, чего она не знает, или других ясно учить тому, что узнала. Если она не делает ни того, ни другого, то болит неразумием. Начало отпадения – пресыщение наставлением и отвращение от учения, которого всегда алчет душа боголюбивого. Прощай и будь здоров, а что всего больше – да дарует тебе Бог познание Христово.

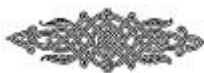
Об Исидоре-странноприимце

Сначала пришел я в город Александрию, во второе консульство великого царя Феодосия (ныне за свою правую веру во Христа пребывающего со Ангелами), и в этом городе встретил мужа дивного по жизни, украшенного всеми совершенствами – и словом, и нравом, и ведением. То был пресвитер Исидор, странноприимец Александрийской Церкви. Первые годы юности, говорят, провел он в пустыне в трудах подвижничества. Видел я и келью его в горе Нитрийской. Ему было лет семьдесят, когда я пришел к нему. Проживши еще пятнадцать лет, он скончался в мире.

Этот святой муж до самой кончины своей не носил льняной одежды, кроме покрова на голове, не ходил в баню, не касался мяса, никогда не вкушал пищи до сытости. А между тем, по милости Божией, тело его было так полно, что все, кто не знал жития его, думали, что он живет весьма роскошно. Если б стал я рассказывать подробно о каждой добродетели, то у меня не хватило бы времени для рассказа. Он был так кроток, человеколюбив и миролюбив, что самые враги его, которых он имел по причине своей правой веры во Христа, уважали, можно сказать, тень сего мужа за чрезвычайную его доброту. А духовную благодать святой муж этот имел столь великую и такое ведение Священного Писания и разумения божественных догматов, что даже во время трапезы, в часы, когда с братией, по обыкновению, принимал пищу, ум его приходил в восторг и уединял его. Когда его просили рассказать, что было во время этого восторга, он говорил: «Я странствовал мыслью, быв восхищен таким-то созерцанием». Я и сам часто видел, как он плакал во время трапезы. На вопрос мой о причине слез он отвечал: «Стыдно мне, разумному созданию, питаться бессловесной пищей; мне бы следовало быть в раю сладости и там насыщаться нетленной снедью по данной нам от Христа власти».

В Риме он был известен всему сенату и женам вельмож с того времени, как приходил туда сперва с Афанасием Великим, а потом со святым Димитрием, епископом. Хотя он имел большое богатство и изобилие в потребностях житейских, но перед смертью не написал завещания. И сестрам своим, девицам, не оставил ни денег, ни вещей, а поручил их Христу с такими словами: «Бог, сотворивший вас, дарует вам и потребное для жизни, как и мне даровал». С сестрами жили в одной обители семьдесят дев.

О Дорофее

Когда еще в молодости я пришел к Исидору и просил преподавать мне первоначальное наставление в монашеской жизни, — между тем как мне, по пылкости возраста, нужны были не слова, а труды телесные и изнурение плоти, — он, как искусный укротитель молодых коней, выведши меня в так называемые пустынные кельи верст за пять от города, поручает Дорофею, одному подвижнику Фивейскому, жившему около шестидесяти лет в пещере, и приказывает мне пробыть при нем три года для укрощения страстей моих (он знал, что старец этот ведет самую суровую жизнь), а по истечении трех лет опять возвратиться к нему для дальнейшего духовного наставления. Но я не мог прожить у него трех лет: сильная болезнь заставила меня оставить его раньше определенного срока. Жизнь его была самая суровая, многотрудная и строгая. Целый день, и в самый зной полуденный, собирая камни в пустыне приморской, он постоянно строил из них кельи и потом отдавал их тем, которые сами не могли строить, и таким образом каждый год строил по келье. Однажды я сказал сему святому мужу: «Что ты делаешь, отец, в такой старости убивая свое тело на жару такими трудами?» Он отвечал мне: «Оно убивает меня, а я буду убивать его». Съедал он унций² шесть хлеба в день и связочку овощей да выпивал немного воды. Бог свидетель, не видывал я, чтобы он протянул ноги или лег спать на рогоже или на постели — всю ночь, бывало, сидит и вьет веревки из финиковых ветвей, из которых плел корзины на покупку хлеба себе. Думал я, что, может быть, он при мне только начал вести такую строгую подвижническую жизнь, и тщательно стал расспрашивать у многих учеников его, всю ли жизнь он так подвизается (из них иные жили отдельно друг от друга и сами уже славились добродетелью). Они говорили мне, что он с юности жил так, никогда не ложился спать, а только разве во время работы или за столом смыкал на несколько минут глаза, так что от дремоты и кусок иногда выпадал у него изо рта. Однажды я понуждал сего святого мужа прилечь немного на рогожу; он огорчился и сказал мне: «Уговори сперва Ангелов, чтобы они уснули когда-нибудь, тогда уговоришь и ревностного подвижника».

Однажды он послал меня часу в девятом на свой колодезь налить кадку, из которой все брали воду. Было уже время обеда. Пришедши к колодцу, увидел я на дне его аспида³ и, в испуге не начерпавши воды, побежал к нему с криком: «Погибли мы, авва! На дне колодца я видел аспида!» Он усмехнулся скромно, потому что был ко мне весьма внимателен, и, покачивая головою, сказал: «Если бы дьяволу вздумалось набросать аспидов, или змей, или

² Унция — мера веса (в России — 29,86 г), применявшаяся до введения метрической системы мер.

³ Аспиды — семейство ядовитых змей (кобры, ехидны и др.).

других ядовитых гадов во все колодцы и источники водные, ты не стал бы вовсе пить?» Потом, вышедши из кельи, он сам налил кадку и первый тотчас испил воды, сотворивши крестное знамение над нею и сказав: «Где крест, там ничего не может злоба сатаны».

О Потамиене

Блаженный Исидор-странноприимец рассказывал мне, что он, быв у святого и блаженного Антония, слышал от него нечто такое, что стоит записать. Именно: одна прекрасная лицом девица, Потамиена, во время Максимиана-гонителя была рабой у какого-то сластолюбца. Господин долго старался обольстить ее различными обещаниями, но не мог. Наконец, пришедши в ярость, он представил ее тогдашнему александрийскому префекту как христианку, которая хулит настоящее правительство и царей за гонения, и обещал ему довольно денег за наказание ее. «Ежели ты, – говорил он, – убедишь ее согласиться на мое желание, то не предавай ее истязанию, но если она по-прежнему будет оставаться непреклонной, умори ее в мучениях». «Пусть же, – говорил он, – живая не смеется над моей страстью».

Привели мужественную девицу пред судилище и начали терзать тело ее разными орудиями казни, в то же время и уговаривали ее различными словами, но она оставалась непоколебимой в своей душе, как стена. Тогда судья избирает из числа орудий казни самое страшное и мучительное: он приказывает наполнить большой медный котел смолой и поджечь его сильнейшим огнем. Когда смола стала клокотать и кипеть, безжалостный судья обращается к блаженной девице и говорит: «Или ступай покорись воле твоего господина, или знай – я прикажу бросить тебя в этот котел». Потамиена отвечала: «Можно ли быть таким несправедливым судьей, чтобы приказывать мне повиноваться сладострастию?» Разъяренный судья повелевает раздеть ее и ввергнуть в котел. Тогда она вскрикнула и сказала: «Заклинаю тебя жизнью императора, которого ты боишься, прикажи по крайней мере не раздевать меня, если ты уже присудил мне такую казнь, а вели понемногу опускать в смолу, и ты увидишь, какое терпение даровал мне Христос, Которого ты не знаешь». Таким образом, ее понемногу опускали в котел в продолжение часов почти трех, пока она не испустила дух, как скоро смола уже захватила у нее горло.

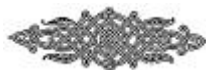
О слепце Дидиме

В Церкви Александрийской тогда было много святых мужей и жен, усовершенствовавшихся в добродетели и достойных наследовать «землю кротких». В числе их подвизался и блаженный писатель Дидим, совсем слепой. Я сам видел его раза четыре, когда лет десять тому назад ходил к нему. Он скончался восьмидесяти пяти лет. Слепцом сделался он, как сам мне рассказывал, еще на четвертом году, грамоте не учился и никаких учителей не знал. Природный ум был для него верным наставником. Он украсился такой благодатью духовного ведения, что на нем самым делом исполнилось сказанное: *Господь отверзает очи слепым* (Пс. 145, 8). Книги Ветхого и Нового Завета знал он все до слова, а догматы изучал так тщательно и учение, в них содержащееся, излагал так тонко и основательно, что ведением превзошел всех древних.

Однажды он заставлял меня сотворить молитву в своем доме и, так как я не хотел, то он рассказал мне вот что: «В эту келью три раза входил блаженный Антоний посетить меня, и, когда я предлагал ему сотворить молитву, он тотчас преклонял колена в этой самой келье, не дожидаясь, чтобы я повторил приглашение. Так он научил меня послушанию самым делом. И ты, если последуешь его житию, как монах и пришелец ради добродетели, брось всякое упрямство».

Он же рассказывал мне следующее: «В один день я размышлял о жизни гонителя, несчастного царя Юлиана. Мне так было грустно от этих мыслей, что я ничего не вкушал до позднего вечера. И вот, сидя на скамье, заснул я и вижу в видении: мимо меня скачут на белых конях всадники и кричат: “Скажите Дидиму – сего дня, в седьмом часу, Юлиан скончался; встань и ешь и пошли весть епископу Афанасию на дом, чтобы и он узнал об этом”». «Я заметил, – сказал Дидим, – час и день, неделю и месяц. Так и оказалось».

Об Александре

Рассказывал мне этот писатель Дидим об одной служанке по имени Александра. Оставив город, она заключилась в гробнице и получала что нужно через отверстие, а сама десять лет не показывалась на глаза ни мужчинам, ни женщинам. В десятое лето почив, эта блаженная, говорят, сама себя приготовила к погребению. Женщина, которая к ней ходила, пришедши по обыкновению, не получила ответа и сказала нам об этом. Мы отправились, открыли вход в пещеру гроба, вошли туда и увидели, что она почилла.

Говорила нам о ней и приближенная Мелания Римляныня, о которой в свое время и в своем месте расскажу. «Не могла я, – говорит она, – видеть эту блаженную, но, ставши у отверстия, просила ее открыть причину, по которой оставила она город и заключила себя во гробе. Она отвечала мне через отверстие: “Один человек сходил с ума по мне. Чтобы не огорчать и не бесчестить его, я лучше решилась заключить себя живой в этой гробнице, нежели соблазнить душу, созданную по образу Божию”. Когда я сказала ей: “Как же ты, раба Христова, выносишь это, что совсем никого не видишь, а одна ратуешь против скорби и помыслов?” – она отвечала: “С самого утра часа до девятого я молюсь и с час пряду лен, в остальные часы припоминаю себе сказания о вере святых отцов и патриархов, о подвигах блаженных апостолов, пророков и мучеников. Когда наступает вечер, я, принеся словословие Господу моему, ем свою долю хлеба, а ночь всю провожу в молитве, ожидая конца своего, когда разрешусь отселе с благой надеждой и явлюсь лицу Христову”».

Расскажу теперь и о тех, которые, имея вид благочестия, жили в небрежении о душе своей, – расскажу к похвале усовершенствовавшихся в добродетели и для предостережения читателей.

О сребролюбивой девственнице

В Александрии была одна девственница – впрочем, по имени только, ибо хотя имела наружность смиренную, но в душе была скупа, сварлива и до крайности пристрастна к деньгам, больше златолюбивая, нежели христолюбивая. Из своего имущества никогда не подавала она ни одного овола⁴ ни страннику, ни бедному, ни монаху, ни девственнице, ни несчастному, ни в церковь. Несмотря на многие увещания святых отцов, она не свергала с себя тяжести богатства. Были у нее и родные, и она взяла к себе на воспитание дочь сестры своей. Ей-то день и ночь обещала она свое имущество, отвергшись сама небесной любви. Это и есть одно из обольщений диавола, что он порождает в человеке недуг любостяжания под предлогом родственной любви. О родстве у него совсем нет заботы – это видно из того, что он научил братоубийству, матереубийству и отцеубийству, как известно из Священного Писания. Иногда кажется, он побуждает пеших о родных, но делает это не по благорасположению к ним, а для того, чтобы увлечь душу к несправедливому делу, верно зная сказанное – *несправедливые Царствия Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 9). Кто водится духовным разумением и Божественной любовью, тот может, и не оставляя попечения о своей душе, помогать родным в нуждах их и доставлять им различные пособия, но кто всю душу свою поработил заботе о родных, тот подлежит суду закона за то, что мало ценил свою душу. И священный псалмопевец Давид так поет о тех, которые пекутся о душе в страхе Божиим: *кто взойдет на гору Господню, или кто встанет на святом месте Его? Тот, у кого руки неповинны и сердце чисто, кто не клялся душой своей напрасно* (Пс. 23, 3–4). А приемлют всеу душу свою те, кои думают, будто она разрушается вместе с этой плотью, и не радуют о добродетелях духовных.

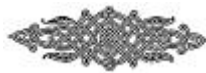
Эту девственницу, носившую только имя девственницы, а нравом чуждую подвижничества, захотел излечить от недуга любостяжания святейший Макарий, пресвитер и надзиратель богадельни для увечных, и придумал следующее средство. Надобно заметить, что в молодости своей он обдeldывал камни. Вот он, пришедши к ней, говорит: «Попались мне дорогие камни – изумруды и яхонты; краденые они или купленные, не умею сказать, только эти камни – бесценные. Хозяин продает их за пять сотен червонцев. Если тебе угодно купить их, дай мне эти деньги. Камни ты можешь употребить на наряды для своей племянницы». Девственница, всей душой привязанная к племяннице, обрадовавшись случаю нарядить ее, падает в ноги Макарию и говорит: «Сделай милость, не отдавай их никому!» Святой муж приглашает ее к себе. «Дойди, – говорит, – до моего дома и посмотри камни». Но она не захотела этого и тут же отдала ему пять сотен червонцев, говоря: «Прошу тебя, достань их

⁴ Овол – мелкая монета.

как хочешь: мне не хочется видеться с человеком, который продает их». Святой Макарий, взяв от нее пять сотен червонцев, употребил их на нужды богадельни.

Прошло много времени, а девственница стыдилась напомнить ему о камнях, потому что этот муж пользовался в Александрии большим уважением, как старец весьма благочестивый и милостивый (он жил около ста лет, и я еще застал его в живых). Наконец, нашедши его в церкви, говорит ему: «Что ж те камни, за которые мы дали пять сотен червонцев?» Он отвечал ей: «В тот же самый день, как ты дала мне деньги, я и заплатил их за камни, и, если хочешь увидеть их, пойдй в мой странноприимный дом – там лежат эти камни. Посмотри, понравятся ли они тебе. В противном случае возьми свои деньги назад». Девственница пошла с радостью.

Странноприимный дом имел два отделения: в верхнем помещались женщины, а в нижнем – мужчины. Когда она пришла к дому, святой вводит ее в ворота и говорит: «Что угодно тебе сперва видеть – яхонты или изумруды?» – «Что хочешь», – отвечает она. Макарий повел ее наверх и, указывая на женщин увечных, слепых, сказал ей: «Это вот яхонты». Потом свел ее вниз и, указывая на таких же мужчин, сказал: «А это изумруды. И я полагаю, что драгоценнее этих нигде не найти. Если они не нравятся тебе, возьми свои деньги назад». Пристыженная, девственница вышла и, пришедши домой, занемогла от великой печали, потому что сделала доброе дело не по любви к Богу, а против воли. После, когда девица, о коей заботилась она, по выходе замуж умерла бездетной и когда она уже сама стала употреблять свое имущество как должно, она благодарила старца.

О нитрийских подвижниках

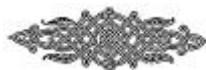
Посетив многих святых и прожив года три в монастырях около Александрии, где я видел до двух тысяч великих весьма ревностных и доблестных мужей, украшенных всякой добродетелью, оттуда я пошел в Нитрийскую гору. Между этой горой и Александрией находится озеро, называемое Мариа. Оно простирается миль на семьдесят. Переплыв его, через полтора дня я пришел к горе со стороны полуденной; к этой горе прилегает большая пустыня, простирающаяся даже до Эфиопии, Мазиков и Мавритании. На горе живет до пяти тысяч мужей, которые ведут различный образ жизни – кто как может и хочет, так что можно там жить по одному, и по двое, и многим вместе. У них семь пекарен, в которых готовят хлебы и для себя, и для отшельников, удалившихся в большую пустыню, числом до шестисот.

Прожив в этой горе целый год и получив великую пользу от блаженных и преподобных отцов, каковы Арсисий Великий, Путуваст, Агион, Хроний и Серапион, я, возбужденный многими их рассказами о древнейших духовных отцах, пошел в самую глубину пустыни.

В этой горе Нитрийской только одна церковь, весьма обширная. Подле церкви находится странноприимный дом, в котором содержат странника во все время пребывания его в горе, хотя бы оно продолжалось два или три года, пока он не захочет оставить гору. Ему позволяют жить без дела только одну неделю, а в следующие дни ему дают дело или в саду, или в пекарне, или на поварне. Если же странник – человек знатный, то ему дают читать книги, но беседовать ни с кем не позволяют до шестого часа дня.

В этой горе живут и врачи, и аптекари. Употребляют здесь и вино и продают его. Платье себе делают все сами, своими руками, так что в этом отношении они не знают нужды. По наступлении вечера можно стать и слышать в каждой келье хвалебные песни и псалмы, воспеваемые Христу, и молитвы, воссылаемые на небеса, – иной подумал бы, что он восхищен и перенесен в рай сладости. В церковь собираются только по субботам и по воскресным дням. При этой церкви восемь пресвитеров, но, доколе жив первый пресвитер, прочие не служат, не судят и не говорят поучений, а только совосседают с ним в безмолвии.

Великий Арсисий и с ним многие другие святые старцы, которых мы видели, были современниками блаженному Антонию. Из них великий Арсисий сам мне рассказывал, что он знал и Аммуна Нитрийского, душу которого видел великий Антоний, когда ее приняли Ангелы и возносили на небо. Говорил он еще, что знал и Пахомия Тавеннского, имевшего дар пророческий и бывшего архимандритом трех тысяч мужей. О его добродетелях расскажу после.

Об Аммуне

Арсисий Великий сказывал мне, как жил Аммуно. Оставшись после родителей сиротой, он на двадцать втором году от роду принужден был своим дядей вступить в супружество. Не могши противиться настоятельному требованию дяди, он решился обвенчаться, сидеть при брачном торжестве и выполнить все брачные обряды. Но, как скоро вышли все провожавшие их в брачный покой, блаженный Аммуно запирает дверь и, севши, начинает беседовать с блаженной своей супругой и говорит ей: «Приди сюда, госпожа и сестра моя, я поговорю с тобою. В браке нашем особенно хорошего ничего нет. Так хорошо мы сделаем, ежели с нынешнего же дня станем спать порознь. Сохраняя таким образом девство свое неприкосновенным, мы угодим и Христу». Вынув потом из-за пазухи Библию, он как бы от лица апостолов и Самого Спасителя начал читать ее юной девице, не знакомой с Писанием, изъясняя ей большую часть прочитанных мест своим богопросвещенным умом и наставляя ее в девственной и непорочной жизни, так что она, исполнившись благодатью Христовой, сказала: «И я, господин мой, решилась с радостью проводить святую жизнь и буду делать все, что повелишь мне». – «Я повелеваю и прошу, – отвечал он, – чтобы каждый из нас отселе жил особо». Но это еще было тяжело для нее, и она сказала: «Останемся в одном доме, только ложе у нас будет раздельное». Так жил он с ней в одном доме лет восемнадцать.

День весь работал в саду и в бальзамовой роще (он занимался добыванием бальзама). Бальзамовый куст растет так же, как виноград, и, чтобы его воздвдывать и ходить за ним, требуется много трудов. Вечером, пришедши домой и помолившись, он вместе с супругой вкушал пищу, потом возносил ночные молитвы и совершал молитвословия, а весьма рано утром уходил в свой сад. Когда таким образом оба они достигли бесстрастия – по молитвам святого Аммуна, – блаженная говорит ему: «Я имею нечто сказать тебе, господин мой. Если ты меня послушаешь, я удостоверюсь, что ты меня истинно по Богу любишь». Он сказал ей: «Говори, что ты хочешь сказать». Она продолжала: «Ты муж благочестивый и подвижаешься в правде, и я ревную житию твоему; точно, нам лучше жить особо; многие получают от сего пользу. А теперь, когда ты непорочно живешь со мною о Господе, столь великое твое совершенство любомудрия ото всех сокрыто из-за меня; это неблагоразумно». Поблагодарив ее и воздав хвалу Богу, Аммуно говорит ей: «Хорошо ты вздумала, госпожа и сестра моя; если тебе угодно, оставайся ты в этом доме, а я пойду построю себе другое жилище».

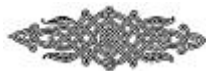
Разлучившись с нею, он пошел внутрь Нитрийской горы – на ней в то время не было так много монастырей, – построил себе двухэтажную келью, и, прожив еще двадцать два года в пустыне и достигши высоты подвижнической добродетели, святой Аммуно скончался

или, лучше, почил в монашеской жизни шестидесяти двух лет от роду. Со своею супругой виделся он в год два раза.

Когда он жил уже один в Нитрийской горе, рассказывают, принесли к нему скованного цепями отрока, находившегося в бешенстве, которое открылось в нем от укуса бешеной собаки. От несносной боли отрок всего себя искусал до крови. Святой Аммуна, видя родителей его, пришедших просить о сыне, сказал им: «Что вы меня утруждаете, требуя того, что превышает мои силы? У вас в руках готова помощь! Вознаградите вдовицу, у которой вы тайно закололи вола, и отрок ваш будет здоров». Пораженные этими словами, они с радостью исполнили, что было велено. И по молитве Аммуна отрок стал здоров.

Однажды несколько человек пришли к нему, чтобы его видеть. Святой муж, испытывая их, сказал: «Привезите мне одну бочку воды, чтобы у меня ее довольно было для принятия приходящих». Они обещали привезти бочку. Но, выйдя из кельи, один из них стал жалеть, что дал обещание, и говорит другому: «Не хочу губить своего верблюда: он падет, если везти на нем бочку». Услышав это, другой запряг своих ослов и с большим трудом ввез бочку в гору. Аммуна вышел навстречу и спрашивает его: «Отчего это пал верблюд твоего товарища в то самое время, как ты шел сюда?» Тот, возвратившись, действительно увидел, что верблюда растерзали гиены.

Много и других чудес совершил муж сей. О следующем чуде его рассказывает блаженный Афанасий Александрийский в описании жития Антониева. Однажды ему нужно было перейти через реку Ликон с Феодором, учеником своим, а раздеться он стыдился, чтобы не увидеть своей наготы. Находясь в таком раздумье, он вдруг явился на той стороне реки, как бы в исступлении перенесенный Ангелами. Братия же переплыли реку. Когда он пришел к Антонию, то Антоний первый стал ему говорить: «Бог открыл мне многое о тебе и о твоём преставлении возвестил мне. Потому я и приглашал тебя к себе так настоятельно, чтобы, видя друг друга, мы могли взаимно помочь один другому». Он указал ему жилище в одном самом уединенном месте и просил не уходить отсюда до преставления. И когда Аммуна скончался в своем уединении, блаженный Антоний видел, как Ангелы возносили душу его на небо. Такова жизнь и кончина Аммуна. Та река Ликон есть не что иное, как глубокий рукав огромного Нила, и мне даже в лодке страшно было переправляться через нее.

ОБ

Оре В этой же горе Нитрийской был чудный подвижник по имени Ор. В его монастырях было до тысячи братий. Вид имел он ангельский. Ему было девяносто лет от роду, но тело его ничего не потеряло: лицо у него было светлое и бодрое, и с первого взгляда оно внушало почтение к себе. Сначала долгое время подвизался он в дальней пустыне, но впоследствии основал монастыри в ближней и на месте болота развел деревья, тогда как тут их совсем не было, так что в пустыне разросся густой лес. Жившие с ним отцы сказывали нам, что там даже и куста не было, когда этот муж пришел сюда из пустыни. Развел он этот лес для того, чтобы братиям, собиравшимся к нему, не было нужды ходить по сторонам за необходимыми припасами; о них он прилагал всякое попечение, молился Богу и сам трудился ради их спасения, дабы у них не было недостатка ни в чем необходимом и чтобы никакого предлога не имели они к нерадению.

Сначала, живя в пустыне, он питался травами и сладкими кореньями, воду пил, когда находил, и все время проводил в молитвах и пении. Когда же достиг глубокой старости, явился ему в пустыне Ангел во сне и сказал: «Ты будешь в язык великий, и великое множество людей будет вверено руководству твоему. Спасется через тебя десять тысяч, и все, сколько ты приобретешь здесь, будут повиноваться тебе в будущем веке. Оставь всякое сомнение, – продолжал Ангел, – в необходимых потребностях не будет у тебя недостатка до самой смерти твоей, когда только ни призовешь Бога».

Выслушав слова сии, он пошел в ближнюю пустыню и, выстроив себе небольшую хижинку, жил в ней сначала один, довольствовался одними овощами, да и тех вкушал в неделю только однажды.

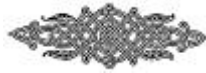
Он был совсем неученый, но по выходе из пустыни в населенное место ему дана была от Бога такая благодать, что он наизусть знал Священное Писание. Когда братия подавали ему Библию, он тотчас начинал читать, как грамотный. Получил он и другую благодать – власть изгонять бесов, так что многие из одержимых ими громко проповедовали о его житии, хотя он и не хотел того. Совершил он много и других исцелений. Поэтому стеклись к нему три тысячи монахов. Видев их, он радостно приветствовал и лобызал их. Сам, своими руками умывал им ноги и потом предлагал поучение.

Изъяснив многие главы из Священного Писания и преподав православное учение о вере, он приглашал их к молитвословию, ибо великим мужам обычно не прежде приступать к плотской трапезе, как уже напитава свои души духовной пищей – эта пища есть принятие Тела Христова. По приобщении и по принесении Богу славословия, Ор приглашал братий к

трапезе, а сам во время стола предлагал добрые и полезные наставления и беседовал с ними о спасении.

Он славился и своей распорядительностью. Так, множеству монахов, которые собирались к нему, он в один день выстраивал кельи. Для этого он созывал всю наличную братию, и один готовил у него глину, другой – кирпичи, иной черпал воду. Когда кельи были готовы, приходящие получали от него все нужные вещи. Пришел к нему один лжебрат со своим собственным платьем, которое было у него спрятано, и Ор перед всеми обличил его. Оттого никто не смел лгать перед ним, ибо все знали, какую благодать приобрел он себе своей святой жизнью. Сонм монахов, когда они были с ним в церкви, подобен был ликам Ангелов, хвалящих Бога.

Вся братия свидетельствует о его великих добродетелях, а особенно раба Божия Мелания, прежде меня приходившая на эту гору. Сам я не застал его в живых. Рассказывая о великих совершенствах сего мужа, она говорила, что он не лгал и не божился, никого не злословил и без нужды никогда не говорил.

О Памво

В Нитрийской же горе жил блаженный Памво, учитель епископа Диоскора, Аммония и братьев Евсевия и Евфимия, также Оригена, племянника Драконтия, славного и дивного мужа. Множеством великих совершенств и доблестей украшался этот Памво. Но венцом великих совершенств его было такое презрение к золоту и серебру, какого требует слово Господне. Блаженная Мелания рассказывала мне, что она вскоре по прибытии из Рима в Александрию, услышав от блаженного пресвитера Исидора-странноприимца о добродетельном житии Памво, в сопровождении самого Исидора отправилась к нему в пустыню. «Принесла я с собой, – говорила она, – ящичек с тремястами литр⁵ серебра и просила его принять это приношение от моих стяжаний. Он сидел и плел ветви и, не оставляя своей работы, дал мне только словесное благословение, сказав: “Бог наградит тебя”. Потом сказал эконому Оригену: “Возьми это и употреби на нужды братии, живущей в Ливии и по островам: сии монастыри скуднее прочих”. А из живущих в Египте братий никому не велел давать из этих денег, потому что страна сия, говорил он, плодороднее других».

«Я стояла, – говорит Мелания, – и ждала, что он почтит меня благословением или хотя слово скажет в похвалу за такое приношение, но, ничего не слыша от него, сама сказала ему: “Господин мой, да будет тебе известно, что серебра здесь триста литр”. Он и при этом не показал никакого внимания и отвечал мне, даже не взглянув на ящичек: “Дочь моя! Кому ты принесла это, Тому не нужно сказывать, сколько тут весу: Он взвесил горы и холмы, тем более знает вес твоего серебра. Если бы ты отдала его мне, то хорошо было бы сказать и о его количестве, но если ты принесла его Богу, Который не отвергнул и двух лепт,⁶ но еще оценил их дороже всех других приношений, то молчи и будь спокойна”».

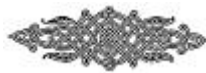
«Так домостроительствовала благодать Господня, – говорила блаженная, – когда пришла я в гору! По малом времени раб Божий почил без болезни и без всякого страдания телесного. Он плел корзину и послал за мной. Когда вплетен был уже последний прут, он сказал мне: “Возьми эту корзину из моих рук на память обо мне – другого ничего не могу оставить тебе”. Он отошел, предав дух свой Господу, без болезни, семидесяти лет от роду. Обвив тело святого тонким полотном и положив его в гроб, я оставила пустыню, а корзину ту буду беречь у себя до самой смерти».

Говорят также, что Памво перед смертью, в самый час преставления, сказал стоявшим при одре его пресвитеру и эконому, Оригену и Аммонию, мужам известным по жизни: «С

⁵ Литра – мера веса, равная 327 г.

⁶ Лепта – самая мелкая медная монета, иногда называемая медницей.

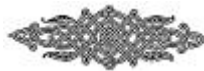
того времени, как, пришедши в эту пустыню, построил я себе келью и стал жить в ней, не провел я ни одного дня без рукоделия; не помню, чтобы когда-нибудь съел кусок хлеба, данный кем-нибудь даром; до сего часа не раскаиваюсь ни в одном слове, которое сказал я; и теперь отхожу к Богу так, как бы еще не начинал служить Ему». Рабы Христовы Ориген и Аммоний точно подтверждали это и сказывали нам еще, что, когда спрашивали Памво о чем-либо из Писания или касательно жизни, он никогда не отвечал на вопрос тотчас, но говорил, что еще не нашел ответа. Часто проходило месяца три, а он не давал ответа, говоря, что еще не знает, что отвечать. Памво из страха Божия был весьма осмотрителен в своих ответах, так что их принимали с благоговением, как бы изречения Самого Бога. Этой добродетелью, то есть осмотрительностью в слове, говорят, он превосходил даже Антония Великого и всех святых.

О Пиоре

Между прочими деяниями святого Памво рассказывают еще следующее. Однажды блаженный Пиор, подвижник, пришел в его келью со своим хлебом. Когда Памво упрекнул его, для чего он так сделал, Пиор отвечал ему: «Для того, чтобы тебе не быть в тягость». Памво молча отпустил его. Спустя несколько времени приходит великий Памво в келью Пиора также со своим хлебом, который был уже и размочен у него. На вопрос Пиора, зачем он принес хлеб размоченный, Памво отвечал: «Чтобы и мне не быть тебе в тягость, я сам размочил хлеб».

Об Аммонии

Аммоний, бывший учеником великого Памво, вместе с тремя другими братьями и двумя сестрами, достигши самой высокой степени боголюбия, поселились в пустыне и построили два особых монастыря: братья – мужской, а сестры – женский, на довольноном расстоянии один от другого. Между тем Аммония в одном городе пожелали иметь епископом, ибо этот великий муж обладал ученостью необыкновенной. Посланные от города пришли к блаженному епископу Тимофею и просили его рукоположить им Аммония во епископа. «Приведите его ко мне, – отвечал епископ, – и я рукоположу вам его».

Взяв с собою довольно людей, они пошли за ним. Но Аммоний бежал. Видя наконец, что его догоняют, он остановился и стал их спрашивать. Когда же те не слушали, он поклялся им, что не примет сана и не может оставить пустыню. Когда и это не подействовало, он при всех взял ножницы и совсем отрезал у себя левое ухо до корня, сказав: «Теперь вы должны увериться, что мне нельзя принять сана, к которому меня принуждаете, ибо закон повелевает не допускать того к священству, у кого отрезано ухо». После сего они, оставив его, ушли и, пришедши к епископу, рассказали об этом. Тот им говорит: «Закон этот пусть наблюдают иудеи, а ко мне ежели приведете хотя и безногого, только достойного по жизни, я рукоположу его».

Граждане пошли опять спрашивать Аммония. Когда святой муж стал отказываться, они хотели было вести его насильно. Но он поклялся отрезать и язык у себя, если станут принуждать его. После этого его отпустили и ушли.

Пищу Аммония с молодых лет до самой кончины составляли сырые овощи: он не ел ничего приготовленного на огне, кроме хлеба. Знал он все книги Ветхого и Нового Завета наизусть и многократно перечитал писания знаменитых мужей – Оригена, Дидима, Пиерия и Стефана. Об этом свидетельствуют и великие отцы пустыни.

Рассказывают и о его пророчествах. Назидательнее его никто другой не был для братий, живших в пустыне. Блаженный Евагрий, муж духоносный и строгий в суждении, так отзывался о нем: «Не видывал я человека бесстрастнее его». Во время отбытия великого Аммония в Константинополь по нуждам пустынножителей, этот блаженный Евагрий, по убеждению святых епископов, пришедших из разных областей, и здешних пустынников, восприял от купели Святого Крещения Руфина, тогдашнего преторианского префекта, который сам много раз просил его об этом. Крещение совершено было в присутствии этих епископов в той церкви, которую построил сам Руфин для положения в ней святых, на самых гробницах.

Во всем послушный преподобному Аммоню, Руфин почтил Евагрия достойно его святой жизни. Аммоний спустя немного времени почил и положен в храме, называемом Руфиновым. Его гробница, говорят, исцеляет от простуды.

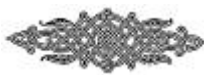
О Вениамине

В той же горе Нитрийской был один чудный муж, по имени Вениамин. Его добродетельная жизнь продолжалась восемьдесят лет. За высокие подвиги в добродетели он удостоился дара исцелений, так что только возлагал на болящего руки или давал ему елея, им благословенного, и тот выздоравливал совершенно.

Но, несмотря на такой дар, за восемь месяцев до успения своего он сделался болен водянкой. Тело его так распухло, что по страданиям он был подобен Иову в наши времена. Епископ Диоскор, бывший тогда пресвитером горы Нитрийской, взявши нас – меня и блаженного Евагрия, – сказал нам: «Идите посмотрите на нового Иова, который при такой неисцельной болезни сохраняет необыкновенное благодушие». Пришедши, мы взглянули на его тело – оно так опухло, что кистями обеих рук нельзя было охватить его мизинца. Не в силах будучи смотреть на такую страшную болезнь, мы отвратили от него глаза свои. Тогда блаженный Вениамин сказал нам: «Помолитесь, чада, чтобы не сделался болен мой внутренний человек. А от тела этого, и когда был я здоров, не видел пользы, и когда болен, не вижу вреда». В те восемь месяцев он постоянно сидел на стуле огромной ширины, потому что лечь в постель не мог. И в таком неисцелимом недуге он еще врачевал других от различных болезней.

Я нарочно рассказал о болезни этого святого, чтобы нам не казалось странным, если видим, что и праведных мужей постигает иногда бедствие. Когда этот великий муж скончался, то вынули порог и косяки у дверей, чтобы можно было вынести тело из кельи – так опухло тело блаженного и досточтимого отца Вениамина.

Об Аполлонии

Некто именем Аполлоний, из купцов, отрекшись мира, поселился в горе Нитрийской. Так как от старости он уже не мог выучиться ни ремеслу, ни чтению, то в продолжение двадцатипятилетнего пребывания в горе подвизался таким образом: покупая в Александрии на свои деньги приобретенные собственными трудами всякие врачебные и келейные потребности, он снабжал ими всю братию во время болезни. Бывало, с раннего утра до девятого часа дня ходит около обителей и монастырей по всем кушам, отворяет двери и смотрит, не лежит ли кто. С собой он носил изюм, гранатовые яблоки, яйца, пшеничный хлеб – все, что бывает нужно больному. Такой полезный образ жизни вел раб Христов до глубокой старости. Перед смертью он передал все свои вещи другому, подобному себе, упросив его проходить это служение. Так как в горе той живет до пяти тысяч монахов, то подобный присмотр нужен в такой пустыне.

О Паисии и Исаии

Были два брата, Паисий и Исаия. Отец у них был испанский купец. Разделив по смерти своего родителя оставшееся движимое имущество, которое составляли пять тысяч золотых, дорогие одежды и рабы, они стали рассуждать между собой и советоваться, какую избрать им жизнь. «Если станем продолжать торговлю, – говорили они, – которую вел отец наш, то и труды наши потом останутся другим, не говоря уже об опасностях, которые можем встретить: нападут разбойники, поднимется на море буря. Пойдем лучше в монахи. Тогда мы и от отцовского имения получим пользу, и души свои не погубим».

Намерение идти в монахи понравилось обоим, но в исполнении его братья поступили каждый по-своему. Они разделили деньги и все прочее имущество. Желая угодить Богу, один все раздал на монастыри, церкви и темницы и, выучившись ремеслу для своего пропитания, посвятил себя подвижничеству и молитве. Другой же построил себе монастырь для небольшого числа братий, принимал странных, лечил больных, покоил престарелых, всякому бедному подавал милостыню, а по субботам и воскресеньям устраивал три или четыре трапезы и угощал нищих и таким образом тратил свое имущество.

Когда они оба скончались, братия, похваляя их житие, пришли в разногласие между собою, так как оба подвижника были совершенны в добродетели. Одни считали, что выше была жизнь Паисия, который с самого начала отвергся всего, другие более добродетельной почитали жизнь Исаии, который благоволит нуждающимся. Когда между братьями произошел спор о различии образа жизни этих блаженных и особенно о том, кто больше достоин похвалы, они пошли к блаженному и святому Памво и, предложив ему на суд спор свой, просили сказать, чье житие совершеннее.

Памво сказал им: «Оба равно совершенны перед Господом. Тот, который принимал всякого и покоил, совершал дело Авраама, а другой, для благоугождения Богу, возлюбил непреклонную ревность пророка Илии». Тогда одни стали говорить ему: «Припадаем к стопам твоим, скажи нам, как можно им быть равными?» Одни выше ставили подвижника и говорили, что он, продав все и раздав нищим, исполнил заповедь евангельскую и непрестанно подвизался в молитвах: всякий день и час нес крест, следуя Спасителю. Другие, напротив, говорили: «Помилуй, другой показал столько милосердой любви ко всем нуждающимся – ходил по улицам и по дорогам, чтобы искать бедных, собирал их и всем довольствовал; таким образом, врачюя больных и помогая им, он успокоил не одну свою душу, но и души многих других». Блаженный Памво отвечал: «Опять скажу вам: оба равны перед Господом и обе стороны должны согласиться со мною. Паи сий без столь высокого подвижничества не заслужил бы того, чтобы сравнивать его с благим Спасителем нашим. Исаия,

который успокаивал странников и служил бедным, тоже по возможности уподобился Господу, Который говорит: *...не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить Самому* (Мф. 20, 28). Исаия также служил, и хотя труды, по-видимому, отягощали его, но вместе давали ему и успокоение. Подождите немного, чтобы мне получить откровение о них от Бога; придете после и узнаете».

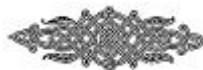
По прошествии нескольких дней они опять пришли к великому отцу спросить о них. Блаженный сказал им в ответ, что видел их обоих стоящими вместе перед Богом в раю.

О Макарии, совершившем невольное убийство

Один юноша, по имени Макарий, лет восемнадцати от роду, пас скот близ озера, называемого Мариа, и, играя здесь со своими сверстниками, одного из них неумышленно убил. Не сказав никому ни слова, он ушел в пустыню и жил здесь три года в таком страхе к Богу и людям, что оставался все это время без всякого крова и как бы не чувствовал этого. А земля та сухая, как всем известно, кто там бывал по какому-либо случаю или жил. Наконец Макарий построил себе келью и, живши в ней еще двадцать пять лет, удостоился такой благодати, что находил услаждение в уединении и побеждал демонов. Долго с ним живя, я спросил у него, как он думает о грехе совершенного им убийства. Он сказал: «Неумышленное убийство послужило для меня поводом к обращению на путь спасения. Так иногда и случайные обстоятельства ведут к добродетели, когда не хотят приступить к добру по свободному расположению: одни из добродетелей зависят от свободного избрания, а другие – от обстоятельств».

О Нафанаиле

Между древними святыми был один доблестный подвижник Христов, по имени Нафанаил. Я не застал его в живых: он почил за пятнадцать лет до прихода моего в гору. Но, встретившись с современниками и сподвижниками сего святого, я охотно расспрашивал их о подвигах сего мужа. Они указали мне и келью его, в которой никто уже не живет по причине близости к населенной стороне. Блаженный тогда еще построил ее, когда отшельники здесь были редки. Вот что рассказывали мне о его подвижничестве.

Он положил себе постоянно пребывать в келье и никогда не отступал от этого правила. Дьявол, который всех обольщает и соблазняет, обольстил вначале и его – навел на него тоску и заставил выйти из кельи. Святому показалось скучно на прежнем месте, он оставил келью и построил себе другую, ближе к селению. Когда окончил ее и прожил в ней три или четыре месяца, является ночью дьявол в виде палача с ременным бичом, во вретисце, и делает бичом необыкновенный шум. Блаженный Нафанаил, разгневавшись, сказал ему: «Кто ты и как осмеливаешься делать это в моем пристанище?» Дьявол отвечал: «Я тот, который заставил тебя выйти из прежней кельи; теперь я пришел выгнать тебя и из этой». Блаженный Нафанаил, узнав, что был прельщен, тотчас возвратился под прежний кров и в продолжение тридцати семи лет ни разу не выходил за порог, противясь дьяволу, который столько ему делал, чтобы заставить его выйти из кельи, что невозможно и рассказать о том. Между прочим, ненавистник добра употребил и следующую хитрость, чтобы заставить подвижника отступить от принятого правила.

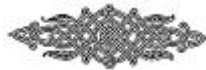
Семь святых епископов посетили однажды святого Нафанаила, и он едва не нарушил своего обета. Когда епископы после посещения помолились и по молитве вышли, подвижник не проводил их ни шагу, чтобы не уступить ненавистнику добра. Тогда диаконы епископов сказали святому: «Ты, авва, гордо поступаешь, что не проводишь епископов». Он сказал им: «Я уважаю владык моих и почитаю весь клир; я грешник, отребье всех людей. Но по своему обету я умер для всего этого и для всей жизни. У меня есть сокровенная цель, почему я и не проводил епископов. Ее знает Господь, ведающий тайны сердца моего».

Таким образом, дьявол, не достигнув своей цели, снова принял другой вид. За девять месяцев до кончины подвижника он явился в образе десятилетнего отрока, погонявшего осла, который вез корзину с хлебами. В глубокий вечер близ кельи подвижника осел упал, и отрок закричал: «Авва Нафанаил, помилуй меня и подай мне руку!» Авва, услышав голос отрока, отворил дверь и, стоя внутри кельи, сказал: «Кто ты и чего хочешь от меня?» Дьявол отвечал: «Я прислужник такого-то монаха и везу хлебы; у известного тебе такого-то брата

вечеря любви, и завтра, в наутрие субботы, нужны будут просфоры. Молю тебя, не оставь меня, чтобы не съели меня гиены».

Блаженный Нафанаил стал в нерешительности – чувство сострадания сильно возбудилось в нем, сердце его возмутилось, и, рассуждая, как поступить ему, он говорил себе: «Я должен или преступить заповедь о помощи ближним, или отступить от своего правила не выходить из кельи». Наконец, размыслив с благоговением, он сказал сам себе: «Лучше мне не нарушать моего правила, которое я исполняю столько лет, чтобы посрамить и победить диавола». Потом, помолившись Господу, подвижник сказал говорившему отроку: «Послушай, отрок или кто бы ты ни был, я верую и служу Тому, Кто владычествует над всяким дыханием. Если ты действительно имеешь нужду в помощи, то мой Бог тебе пошлет ее и ни гиены, ни другое что не повредит тебе, а если ты – искушение, то и это откроет мне Бог мой из того, что будет с тобою». И, затворив дверь, подвижник отошел в глубину кельи. А диавол, посрамленный и этим поражением своим, обратился в вихрь и исчез с шумом, подобным тому, какой производят дикие ослы, когда бегут.

Такова победа блаженного Нафанаила, таковы и подвижнические добродетели и неодолимая брань его с противником, таково его житие и конец его славной жизни.

О Макарии Египетском

Опасаясь повествовать и писать о тех многих великих и для неверующего почти невероятных подвигах, которыми наполнена добродетельная жизнь святых и бессмертных отцов Макария Египетского и Макария Александрийского, мужей доблестных и подвижников непобедимых. Опасаюсь, чтобы не почли меня лжецом, а изречение Духа Святого ясно показывает, что Господь погубит всех, говорящих ложь (см.: Пс. 5, 7).

Но я, по благодати Господней, не лгу, и ты, вернейший Лавс, не сомневайся в подвигах святых отцов, напротив, прославляй этих достославных и истинно блаженных мужей, которые и имена получили соответствующие святым трудам их в подвижничестве.

Первый подвижник Христов, по имени Макарий, был родом египтянин, а второй по времени, но первый по доблестям монашеским, называвшийся Макарием, был александрийский гражданин и продавал закуски.

Прежде расскажу о добродетелях Макария Египетского, который жил девяносто лет и из них шестьдесят провел в пустыне. Пришедши в нее тридцати лет от роду, он, хотя по возрасту был моложе других, в продолжение десяти лет так мужественно переносил труды подвижнические, что удостоился особенного отличия: его называли отроком-старцем, потому что он свыше возраста преуспевал в добродетелях. Сорока лет от роду он получил власть над духами, дар целить болезни и дух пророчества, удостоился также и досточтимого священства. Во внутренней пустыне, называемой Скитом, жили с ним два ученика: один из них был у него слугой и всегда находился при нем для приходивших врачеваться, а другой жил в отдельной келье.

По истечении долгого времени, прозрев в будущее своим проницательным оком, святой говорит служившему при нем ученику, именем Иоанн, впоследствии бывшему пресвитером на месте святого Макария (ибо великий Макарий был удостоен пресвитерства): «Послушай меня, брат Иоанн, и прими благодушно мое увещание – оно будет полезно тебе. Ты – в искушении, тебя искушает дух сребролюбия. Это открыто мне. Я знаю также, что если ты благодушно примешь мое вразумление, то будешь совершен в деле Божиим на месте сем и прославишься, и зло не приблизится к келье твоей. Если же не послушаешь меня, с тобою будет то же, что с Гиезием (см.: 4 Цар. 5, 27), недугом которого заражен ты». Случилось, что Иоанн, по успении бессмертного Макария, преслушал слова его, а послушал того, кто сребролюбием довел до удушения Иуду. Когда прошло еще пятнадцать или двадцать лет, Иоанн, удерживавший у себя достояние бедных, был поражен такой проказой, что на теле его не было здорового места, на котором бы можно было положить палец. Вот пророчество святого Макария!

Излишне будет говорить о том, какую блаженный употреблял пищу и питье. Тогда не только между тамошними монахами, но и между беспечнейшими из живущих по другим местам нельзя было найти предававшихся пресыщению; причина этого, с одной стороны, недостаток в необходимом, с другой – ревность по Боге живших там, из коих каждый старался превзойти другого различными подвигами.

Расскажу и о других подвигах сего небесного мужа Макария. Говорят об этом святом, что он непрестанно приходил в восторг и гораздо больше времени проводил в беседе с Богом, нежели в земных занятиях. Рассказывают также и о различных чудесах его.

Один распутный египтянин предался любви к благородной женщине, которая была замужем. Не успев обольстить ее, потому что она была верна своему мужу, за которого вышла девою, бесстыдный прибег к чародею и говорил ему: «Или заставь ее любить меня, или сделай своим искусством то, чтобы муж бросил ее». Чародей, получив от него хорошую плату, употребил свои чары и заклинания. Но будучи не в силах возбудить любовь в ее сердце, он сделал так, что всем, кто только смотрел на нее, она казалась лошадей. Муж ее, пришедши домой, увидел жену свою в образе лошади. Позвав пресвитеров селения, он ввел их в свой дом и показал им ее, но и они не поняли постигшего ее несчастья. Наконец, к прославлению Бога и к явлению добродетели святого Макария, пришло на мысль мужу отвести ее в пустыню к преподобному.

Когда они пришли, братья стояли у кельи святого Макария и, не допуская мужа этой женщины, говорили ему: «Зачем ты привел сюда эту лошадь?» Муж отвечал им: «Чтобы помогли ей молитвы праведного». Они сказали ему: «Что с ней случилось худого?» Он отвечал: «Эта лошадь, которую вы видите, была несчастная жена моя, и я не знаю, как она обратилась в лошадь. Ныне вот уже три дня, как она ничего не ела».

Братья, услышав сие, сказали об этом рабу Христову Макарию, который молился уже об этой женщине в своей келье, ибо, когда они еще шли к нему, ему было откровение от Бога. Он молился, чтобы ему открыта была причина случившегося, и во время молитвы узнал он все, как что было. Когда же братья объявили святому Макарию, что кто-то привел сюда лошадь, он сказал им: «Вы смотрите не своими глазами: это женщина, какою и создана, она не превратилась в лошадь, а только глазам обольщенных кажется такой».⁷ Когда привели к нему ее, он благословил воду и, возлив ее на главу женщины, помолился и тотчас сделал, что все смотревшие на нее увидели в ней женщину. Приказав принести ей пищу, он дал ей есть и, таким образом исцелив ее, отпустил с мужем; и они благодарили Бога. А человек Христов дал ей следующее наставление: «Никогда не оставляй посещать церковь, никогда не уклоняйся от приобщения Христовых Таин. Несчастье случилось с тобою потому, что ты уже пять недель не приступала к пречистым Таинам Спасителя нашего».

Вот другое деяние великого его подвижничества. Долгое время жизни своей он делал подземный проход, простиравшийся от его кельи на полстадии,⁸ и на конце сего прохода устроил большую пещеру. Когда очень многие беспокоили его, он тайно уходил из своей кельи в пещеру, и уже никто не находил его. Один из ревностных учеников Макария рассказывал нам, что святой, пока шел подземным ходом до пещеры, совершал двадцать четыре молитвы и столько же на возвратном пути.

О нем прошел слух, что он воскресил даже мертвого для убеждения одного еретика, отвергавшего воскресение тел. Этот слух был очень силен в пустыне.

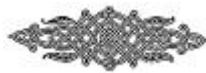
Однажды к сему святому мужу был приведен бесноватый юноша. Привела его мать, которая горько рыдала о нем. Его с двух сторон держали двое других юношей. Демон, оби-

⁷ Руфин так передает слова святого Макария: «Я не вижу в ней ничего скотского; о чем говорите вы, это не в ее теле, а в глазах, смотрящих на нее. Это обольщение демонов, а не истина вещей» (Руфин. «Жизнь пустынных отцов». Гл. 28).

⁸ Стадия – мера длины, равная 189 м.

тавший в нем, имел такую силу, что, съев три меры хлеба и выпив киликийское ведро воды, то и другое извергал и обращал в пар. Съеденное и выпитое им было истребляемо, как огнем. (Действительно, есть особый разряд демонов, называемый огненным. Между демонами, как и между людьми, есть различия, зависящие, впрочем, от разности не в существе, а в воле.) Упомянутый юноша, когда не получал достаточного количества пищи от матери, часто ел свое извержение и пил свою мочу. Так как мать с плачем и стенаниями о чрезвычайном несчастье своего сына долго просила и молила святого помочь ему, то непобедимый подвижник Христов Макарий, взяв к себе юношу, усердно помолился о нем Богу, и через день или два демон перестал мучить его. Тогда святой Макарий сказал матери юноши: «Сколько хочешь, чтобы ел сын твой?» Она отвечала: «Молю тебя, вели ему есть по десяти фунтов⁹ хлеба». Святой, сильно упрекнув ее за то, что она назначила много, сказал: «Что это ты сказала, женщина?» Помолившись о юноше семь дней с постом и изгнавши из него лютого демона многоядения, святой определил ему меру пищи до трех фунтов хлеба, которые он должен был употреблять, делая свое дело. Таким образом, разрушитель всякого демонского действия – подвижник Христов Макарий, по благодати Божией и богоугодному своему житию исцелив юношу, отдал его матери.

Такие-то славные чудеса совершил Бог через верного угодника Своего Макария, которого бессмертная душа пребывает теперь с Ангелами. Я не видел сего святого, ибо за год до моего прихода в пустыню почил этот победитель безумных страстей.

⁹ Фунт – мера веса, равная 409,5 г.

О Макарии Александрийском

Сподвижник сего Макария Египетского в делах веры, носивший то же достоуважаемое имя, Макарий Александрийский был пресвитером в так называемых Келлиях, когда я пришел к нему. Прожив в тех Келлиях девять лет и из них три года вместе с блаженным Макарием хранив безмолвие, я частью сам видел дела и знамения доблестного жития его, частью узнал от тех, которые жили с ним вместе, а частью слышал еще от многих других.

Однажды святой Макарий, увидев у великого отца Антония отборные финиковые ветви (он сам плел из них корзины), попросил у него связку этих ветвей. Антоний отвечал ему: «Писано: *Не пожелай... ничего, что у ближнего твоего* (Исх. 20, 17)». И едва выговорил это, как вдруг все ветви засохли как бы от огня. Увидев сие, Антоний сказал Макарию: «Вот на тебе почил Дух, и ты впоследствии будешь наследником моих добродетелей».

Там же, опять в пустыне, диавол, встретив Макария, весьма утомленного, говорит ему: «Вот ты получил благодать Антония – что не пользуешься своим преимуществом и не просишь у Бога пищи и силы для путешествия?» Макарий отвечал ему: «*Господь – сила моя и песнь* (Пс. 117, 14), а ты не искусишь раба Божия». И вот диавол представляет ему призрак: верблюд блуждает по пустыне с вьюком, в котором всякие съестные припасы. Увидев Макария, верблюд остановился перед ним. Святой, подумав, что это призрак, стал молиться – и верблюд тотчас был пожран землей.

Этот же Макарий сошелся однажды с великим Макарием Египетским, и так как нужно было им переправиться через Нил, то случилось им взойти на большой плот, на который также взойшли какие-то трибуны¹⁰ с великой пышностью: у них была колесница, обитая медью, кони в вызолоченных уздах, несколько воинов-телохранителей и отроков, украшенных ожерельями и золотыми поясами. Когда эти трибуны увидели в углу монахов, одетых в ветхие рубища, стали восхвалять их убожество, и один из них сказал им: «Блаженны вы, что презрели мир!» Городской¹¹ Макарий отвечал им: «Так! Мы презрели мир, а вас мир презирает. Знай, что ты сказал это не сам по себе, но пророчески: действительно мы оба называемся Макариями – блаженными». Пораженный сими словами, трибун по возвращении домой скинул мирские одежды и, посвятив себя монашеству, совершил много дел милосердия.

¹⁰ Трибуны – высшие (выборные) должностные лица в Древнем Риме.

¹¹ То есть Макарий Александрийский, названный так, потому что до монашества был гражданином города Александрии.

Когда-то прислали Макарию кисть свежего винограда, а ему очень хотелось есть. Чтобы показать свое воздержание, он отослал эту кисть одному брату, которому также хотелось винограда. С великой радостью получив виноград, брат этот, в намерении скрыть свое воздержание, послал его к другому брату, как будто ему самому не хотелось этой снеди. Но и этот брат, получив виноград, поступил с ним так же, хотя ему и самому очень хотелось съесть его. Таким образом виноград перебивал у многих братий, и ни один не хотел есть его. Наконец, последний брат, получив его, отослал опять к Макарию как дорогой подарок. Макарий, узнав виноград и разведав, как все было, удивился и благодарил Бога за такое воздержание братий, да и сам не захотел есть его. Таково было подвижничество великого Макария, которому и я вместе со многими другими поучался у него!

Ежели когда он слышал, что кто-нибудь совершил особенный подвиг, то и сам непременно то же делал с жаром. Так, услышав от кого-то, что тавеннские иноки во всю Четыредесятницу употребляют пищу невареную, святой положил семь лет не вкушать ничего приготовленного на огне, а питаться одними сырыми овощами или, когда случится, мочеными бобами. Другого ничего не вкушал он в эти семь лет. Исполнив свой обет, он, однако же, оставил такой образ жизни. Узнав, что один инок вкушал по одной литре хлеба, этот совершеннейший монах решился подражать и ему: переломав все свои сухари и опустив их в кувшин, он положил правилом съедать не больше того, сколько достает рука. Велико было и это изнурение тела. Весело рассказывал он нам об этом вот что: «Захвачу, бывало, побольше кусков, а узкое горло не дает мне вынуть их – мой кувшин совсем не давал мне есть». Целых три года подвизался он в таком воздержании: вкушая хлеба унции по четыре или по пяти и выпивая соответственное тому количество воды, а масла во весь год употреблял в пищу только шестую часть конги.¹²

Вот еще подвиг сего ратоборца. Замыслил этот адамант преодолеть сон. И вот что он рассказал: «Целых двадцать суток не входил я под кровлю, чтобы таким образом победить сон. Днем палил меня зной, а ночью знобил холод, и как я не хотел войти в хижину и подкрепить себя сном, то мозг у меня так высох, что я наконец приходил в исступление. По крайней мере, сколько зависело от меня, я одолевал сон, но уступил ему, как требованию самой природы».

Однажды святой Макарий на рассвете сидел в своей келье; на ногу ему сел комар и впился в нее. Дав ему напиться крови, Макарий, когда почувствовал боль, раздавил его. Но после стал раскаиваться, что отомстил за самого себя, и за такой грех осудил себя сидеть нагим шесть месяцев при скитском болоте, которое находилось в глухой пустыне. Комары здесь величиною равняются осам и прокусывают кожу даже у кабанов. Ими он так был весь искусан и изъеден, что некоторые думали, не в проказе ли он. Когда через шесть месяцев он возвратился в свою келью, то по голосу только узнали, что это сам господин Макарий.

Захотелось ему однажды, как он сам рассказывал нам, сходить на могилу Ианния и Иамврия – волхвов, живших при фараоне, чтобы посмотреть на нее или даже встретиться с жившими там демонами, а это место Ианний и Иамврий силою своих волхвований населили множеством демонов, и притом самых лютых. Гробницу воздвигли сами Ианний и Иамврий, которые в то время занимали по фараоне первое место, как всех превосходившие волшебным искусством. Пользуясь при жизни своей великой властью в Египте, они соорудили здание из четверугольных камней, воздвигли здесь себе гробницу и положили тут много золота, насадили всяких деревьев и вырыли преглубокий колодезь на этом сыром месте. Все это сделали они в той надежде, что после смерти будут наслаждаться утехами в сем прекрасном саду.

¹² Конга – мера веса в три кружки.

Поскольку раб Божий Макарий не знал дороги к этому месту, то и соображал свой путь с течением звезд, как делают мореходцы. Так прошел святой муж всю пустыню. Нашедши здесь несколько тростнику, он через каждое поприще¹³ ставил по одной тростинке, чтобы по ним знать, как воротиться назад. В девять дней он прошел всю эту пустыню и был уже недалеко от того сада, как с наступлением ночи несколько заснул. Злобный демон, всегда враждующий против подвижников Христовых, в то время как Макарий спал не далее версты от гробницы, собрал все тростинки и, положив их у самой головы его, удалился. Проснувшись, Макарий находит, что все тростинки, которые он ставил по дороге для приметы, собраны в одно место. Может быть, Бог попустил это, призывая Макария к большим трудам, дабы он полагался не на указания тростинок, а на благодать Бога, Который сорок лет вел Израиль по страшной пустыне посредством столпа облачного.

«Когда я стал подходить к гробнице, – говорил святой, – из нее вышли навстречу мне до семидесяти демонов в разных видах; одни из них кричали, другие скакали, иные яростно скрежетали на меня зубами, а другие, как крылатые враны, бросались мне в лицо и говорили: “Что тебе надобно, Макарий? Зачем ты пришел к нам? Ты, вместе с подобными себе, завладел нашей пустыней, вы и оттуда выгнали родственных нам демонов. У нас с тобой ничего нет общего. Зачем идешь в наши места? Как отшельник, довольствуйся пустыней. Устроившие это место отдали его нам, ты не можешь быть здесь. Зачем хочешь войти в это владение, куда ни один живой человек не входил с тех пор, как мы похоронили здесь братьев, основавших оное?” И много еще шумели и жалобно вопили демоны, но я, – говорит Макарий, – сказал им: “Я только пойду и посмотрю, а потом уйду отсюда”». Демоны сказали: «Обещай нам это по совести». Раб Божий отвечал: «Обещаю», – и демоны исчезли.

«Вошедши в сад, – говорит он, – я осмотрел все и между прочим увидел медную бадью, повешенную на железной цепи над колодезем (бадья от времени покрылась ржавчиной), также яблоки, внутри совсем пустые, ибо они высохли от солнца». Затем, спокойно вышедши из сего места, святой через двадцать дней воротился в свою келью.

Только с ним случилось немалое несчастье: у него не достало хлеба и воды, которую он носил с собой, поэтому он почти ничего не ел во все те дни странствования по пустыне. Может быть, через это он искушаем был в терпении, как и оказалось на деле. Когда уже он был близок к изнеможению, показался ему кто-то, как сам он рассказывал, в образе девицы, одетой в чистую льняную ткань и державшей кувшин, из которого капала вода. По словам Макария, она была от него не дальше как на стадию. Три дня шел он и все видел, как будто она стоит с кувшином и зовет его, но он никак не мог настигнуть ее. Впрочем, в надежде утолить жажду святой три дня мужественно переносил усталость. После сего явилось множество буйволиц, и одна из них, с буйволенком, остановилась прямо против старца, из сосцов ее текло молоко. «Подошедши к ней, – говорил святой Макарий, – я досыта напился молока. Чтобы еще более показать мне милости, Господь, вразумляя малодушие, повелел буйволице идти за мной до самой кельи. Послушная его велению, она шла за мной, кормя меня молоком и не давая сосать своему буйволенку».

Еще в другое время этот доблестный муж, копая колодезь для пользы монахов (а подле колодца лежали всякие листья и хворост), был ужален аспидом. Святой взял аспида руками за обе челюсти и растерзал его, сказав: «Как ты осмелился приблизиться ко мне, когда не посылал тебя Господь мой?»

Тот же великий Макарий, услышав о дивном житии тавеннских монахов, переменял свое одеяние и в мирском платье поселянина пошел в Фиваиду. Пятнадцать дней шел он пустыней. Придя в монастырь Тавеннский, святой стал искать архимандрита по имени Пахомий, мужа весьма знаменитого, обладавшего даром пророческим. Тогда сему святому не

¹³ *Поприще* – расстояние в тысячу больших шагов, в каждом из которых пять стоп.

было открыто о намерении великого Макария. Сошедшись с ним, Макарий сказал: «Молю тебя, господин мой, прими меня в свою обитель, чтобы мне быть монахом». Великий Пахомий сказал ему: «В таких престарелых летах как можешь ты подвизаться? Здесь братия подвизаются с самой юности и переносят изнурительные труды потому, что привыкли к ним, а ты в таком возрасте не можешь перенести испытаний подвижнических – ты станешь роптать, а потом уйдешь из обители и начнешь злословить нас». Так он не принял его, то же и во второй день, даже до семи дней. А старец Макарий твердо стоял в своем намерении и все время проводил в посте. Наконец он говорит Пахомию: «Авва, прими меня. И если я не стану поститься, как они, и не буду делать, что они делают, то вели выгнать меня из обители». Великий Пахомий убеждает братию принять его (а братии в одной этой обители и доньне находится тысяча четыреста человек). Так великий Макарий вступил в эту обитель.

Спустя немного времени наступила Четыредесятница; старец видит, что каждый монах возлагает на себя различный подвиг: один принимает пищу вечером, другой – через пять дней, иной всю ночь стоит на молитве, а днем сидит за рукоделием. А он, Макарий, наломавши большое количество пальмовых ветвей, стал в углу и в продолжение всей Четыредесятницы, до самой Пасхи, не принимал хлеба, не касался воды, не преклонял колена, не садился, не ложился и ничего не вкушал, кроме нескольких листьев сырой капусты, да и их ел только по воскресеньям, и то для того, чтобы видели, что он ест, и чтобы самому ему не впасть в сомнение. А ежели когда выходил он из кельи для какой-либо нужды, то как можно скорее опять возвращался и принимался за дело. Не открывая уст и не говоря ни слова, он стоял в безмолвии; все занятие его состояло в молитве сердечной и в плетении ветвей, которые были у него в руках. Увидев это, подвижники той обители стали роптать на своего настоятеля и говорить: «Откуда ты привел к нам сего бесплотного человека на осуждение наше? Или его изгони отсюда, или все мы, да будет тебе известно, сегодня же оставим тебя».

Услышав это от братии, великий Пахомий начал расспрашивать о Макарии и, узнав, как он живет, просил Бога открыть ему, кто это такой. И ему было открыто, что это монах Макарий. Тогда великий Пахомий берет его за руку, выводит вон и, приведши в молитвенный дом, там, где стоял у них жертвенник, облобызал его и сказал ему: «Подойди сюда, честный старче! Ты Макарий и скрывал это от меня! Много уже лет желал я видеть тебя, потому что слышал о делах твоих. Благодарю тебя: ты смирил чад моих – пусть они не превозносятся своими подвигами. Теперь прошу тебя: удались в свое место, ты уже довольно научил нас, молись о нас». Таким образом, по желанию Пахомия и по просьбе всей братии Макарий удалился.

Сказывал нам этот бесстрастный муж еще следующее: «Когда прошел я все подвижническое житие, которое избрал, родилось у меня другое духовное желание: я захотел сделать то, чтобы ум мой в продолжение только пяти дней не отвлекался от Бога и ни о чем другом не мыслил, но к Нему одному обращен был. Решившись на это, запер я свою келью и сени перед нею, чтобы не отвечать никому, кто бы ни пришел. Начал я это с другого же дня, дав уму своему такое приказание: “Смотри, не сходи с небес: там ты с Ангелами, Архангелами, со всеми Горними силами – Херувимами, Серафимами и с Самим Богом, Творцом всяческих; там будь, не сходи с неба и не впадай в чувственные помыслы”. Проведши так два дня и две ночи, я до того раздражил демона, что он сделался пламенем огненным и сожег все, что было у меня в келье; самая рогожа, на которой я стоял, объята была огнем, и мне представлялось, что я весь горю. Наконец, пораженный страхом, я на третий день оставил свое намерение, не могши сохранить ум свой неразвлеченным, и низшел к созерцанию сего мира, дабы то не вменилось мне в гордость».

Однажды я пришел к сему духовному монаху, великому Макарию, и нашел, что какой-то пресвитер из селения лежал вне его кельи. Голова у него так была изъедена болезнью,

называемой раком, что самая кость в темени видна была вся. Он пришел к Макарию, чтобы получить исцеление, но тот и на глаза не хотел принять его. Я стал упрашивать Макария и говорил ему: «Молю тебя, умилосердись над этим страдальцем, дай ему по крайней мере какой-нибудь ответ». Святой отвечал мне: «Он недостоин исцеления. Господь послал ему такую болезнь для его вразумления. Если хочешь, чтобы он исцелился, так посоветуй ему с сего времени отказаться от совершения Таинств». Я сказал ему: «Молю тебя, скажи, почему так?» Он отвечал мне: «Сей пресвитер совершал литургию в грехе блудодеяния и за это теперь наказывается. Если он по страху прекратит то, что дерзал делать по небрежности, Бог исцелит его». Когда я пересказал это страждущему, он обещался с клятвой не священнодействовать более. Тогда Макарий принял его и сказал ему: «Веришь ли ты, что есть Бог, от Которого ничто не сокрыто?» Он отвечал: «Верю». Потом Макарий сказал ему: «Ты не должен был смеяться над Богом». Он отвечал: «Не должен был, господин мой». Великий Макарий сказал: «Ежели ты сознаешь грех свой и наказание Божие, которому подвергся за этот грех, то исправься на будущее время». Пресвитер исповедал грех свой и обещался более не грешить и не служить при алтаре, но стать в ряду мирян. Затем святой возложил на него свои руки, и он в несколько дней выздоровел, оброс волосами и возвратился домой здоровым, прославляя Бога и благодаря великого Макария.

Сей святой имел разные кельи в пустыне, в которых совершал подвиги добродетели: одну в скиту, в самой глубокой пустыне, одну в Ливии, в так называемых Келлиях, и одну в горе Нитрийской. Некоторые из них были без окон – в них, говорят, Макарий проводил Четыредесятницу в темноте. Одна келья была так тесна, что в ней нельзя было и ног протянуть; и еще келья была просторнее других – в ней он принимал посетителей.

Сей боголюбивый муж исцелил такое множество бесноватых, что трудно их и перечислить. При нас принесли к нему одну благородную и богатую девицу из Фессалоник, что в Ахаии, – она много лет страдала параличом. Принесшие повергли ее близ кельи Макария. Святой, сжалившись над нею и помолившись, собственноручно помазал ее святым елеем, непрестанно и более мысленно молился о ней и через двадцать дней отпустил ее в свой город здоровою. Пришедши домой на своих ногах, она прислала богатые дары святым.

Также при моих глазах к святому Макарию, духовному врачу всяких безумных страстей, привели отрока, одержимого злым духом. Положив правую руку ему на голову, а левую – на сердце, святой до тех пор молился о нем, пока он не повис на воздухе. Отрок раздулся, как мех, всем телом своим, сделался по весу весьма тяжел и вдруг, вскричавши, стал извергать из себя воду. Когда это кончилось, он опять пришел в прежнюю свою меру. Затем, помазав его святым елеем и окропив освященной водой, Макарий отдал его отцу и приказал, чтобы больной до сорока дней не касался ни мяса, ни вина – и отпустил его исцеленным.

Однажды начали беспокоить Макария Великого тщеславные помыслы, пытаясь вызвать его из кельи и внушая ему отправиться в Рим для пользы других, именно для оказания помощи тамошним больным, ибо в нем благодать Господня сильно действовала на духов нечистых. Долго беспокоили его эти помыслы, но он не слушал их. Тогда они, вооружившись на него сильнее, стали гнать его вон. И вот святой упал на пороге своей кельи; протянув ноги, выпустил их наружу и говорил демонам тщеславия: «Тащите меня, демоны, если можете: своими ногами я не пойду в другое место; если же можете так унести меня, пойду, куда вы зовете». Он с клятвой говорил им: «Буду лежать так до вечера; если не сдвинете меня, не послушаю вас». Лежав долгое время неподвижно, он встал наконец, когда был уже глубокий вечер. Но с наступлением ночи демоны опять начали беспокоить его. Святой встал, взял корзину, насыпал в нее меры две песку и, положив ее себе на плечи, ходил с нею по пустыне. Здесь с ним встретился Феосевий, строитель, уроженец Антиохии, и сказал ему: «Что ты несешь, авва? Отдай мне свою ношу и не изнуряй себя». Но Макарий отвечал ему:

«Я изнуряю того, кто меня изнуряет; не любя трудиться, он внушает мне охоту к странствованию». Долго ходил он так и возвратился в свою келью, изнурив тело.

Еще рассказывал нам раб Христов Пафнутий, ученик сего доблестного подвижника. В один день, когда блаженный и бессмертный Макарий сидел в сенях кельи своей и беседовал с Богом, гиена принесла к нему своего детеныша – слепого. Толкнув головою в дверь сеней, она вошла к Макарию, который в это время еще сидел тут, и бросила детеныша к ногам его. Святой Макарий взял его и, плюнув ему в глаза, сотворил молитву, и он тотчас стал видеть, а мать накормила его и ушла с ним. На следующий день гиена принесла святому и блаженному Макарию кожу большой овцы. Увидев эту кожу, святой сказал гиене: «Ты растерзала у кого-нибудь овцу – иначе откуда тебе взять кожу? Я не возьму от тебя того, что добыто несправедливостью». Гиена, опустив голову к земле, стала на колени у ног святого и подавала ему кожу. Но он говорит ей: «Я сказал, что не возьму, ежели не дашь клятвы, что не станешь больше есть овец у бедных». При этом она опять опустила голову, как будто соглашаясь на слова святого. Кожу эту раб Христов отдал святому и блаженному Афанасию Великому. И блаженная раба Христова Мелания сказывала мне, что она брала эту кожу у святого и дивного мужа Макария под именем дара гиены. И что удивительного, если людям, распявшимся миру, и гиена, ими облагодетельствованная, приносит дары во славу Бога и в честь рабов Его? Тот, Кто перед Даниилом-пророком укротил львов, дал смысл и этой гиене.

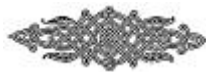
Говорят еще о святом Макарии, что он с того времени, как крестился, никогда не плевал на землю, а теперь уже шестьдесят лет минуло, как он принял Крещение. Крестился же верный раб Христов и бессмертный Макарий на сороковом году своей жизни.

Видом этот непобедимый подвижник Христов был таков (я должен и об этом сказать тебе, раб Христов: быв его современником, я, недостойный, хорошо знал его): он был согбен и сухощав. Волосы росли только на губе, да еще на конце подбородка было их немного – от чрезмерных трудов подвижнических даже борода не росла у него.

Однажды впал я в великую тоску и, пришедши к сему святому, сказал ему: «Авва Макарий! Что мне делать? Смущают меня помыслы, говоря мне: “Ты ничего не делаешь здесь, ступай отселе”». Святой отец отвечал мне: «Скажи твоим помыслам: “Для Христа я стерегу стены”».

Из множества великих чудес и подвигов славного и доблестного Макария только эти описал я тебе, христолюбивый и любознательный раб Божий!

Дивный муж этот рассказывал нам еще вот какое чудо: во время преподавания Таин Христовых (он был пресвитер), я никогда сам не подавал приношения Марку-подвижнику, но замечал, что с жертвенника брал оное Ангел и подавал ему. Впрочем, я видел только кисть руки, подающей ему Причастие.

О Марке

Марк, о котором упомянуто в конце предыдущего сказания, еще в юности знал наизусть писание Ветхого и Нового Завета. Он был чрезвычайно кроток и скромн, как едва ли кто другой. В один день на досуге пошел я к нему – он был уже в глубокой старости – и, севши у дверей его кельи (как новоначальный, я считал его выше человека, и он действительно был таков), стал прислушиваться, что он говорит или что делает. Совершенно один внутри кельи, почти столетний старец, у которого уже и зубов не было, он все еще боролся с самим собой и с диаволом и говорил: «Чего еще ты хочешь, старик? И вино ты пил, и масло употреблял – чего же еще от меня требуешь? Седой обжора, кревоугодник, ты себя позоришь». Потом, обращаясь к диаволу, говорил: «Отойди же наконец от меня, диавол, ты состарился со мной в нерадении. Под предлогом телесной немощи заставил ты меня употреблять вино и масло и сделал сластолюбцем. Ужели и теперь еще я чем-нибудь тебе должен? Нечего более тебе у меня похитить, отойди же от меня, человеконенавистник». Потом, как бы шутя, говорил самому себе: «Ну же, болтун, седой обжора, жадный старик, долго ли быть мне с тобою?»

О Моисее Эфиоплянине

Некто по имени Моисей, родом эфиоплянин, лицом черный, был рабом у одного сановника. Господин прогнал его от себя за великий разврат и разбой. Говорят, он доходил и до смертоубийства. Нахожу нужным упоминать о худых делах его, чтобы показать, какова была после добродетель его покаяния. Некоторые говорят, что он был даже начальником весьма многочисленной шайки разбойников. Из разбойнических дел его, между прочим, известно следующее. Питал он злобу на одного пастуха, который с собаками своего стада помешал ему в каком-то ночном предприятии. Задумав убить его, он обошел кругом то место, где обыкновенно паслись его овцы. Но ему дали знать, что пастух находится по ту сторону Нила, и как река в это время разлилась на широту одного поприща, то он взял меч в зубы, а платье, в которое был одет, положил себе на голову и переплыл реку. Между тем, пока он плыл, пастух имел возможность скрыться в тайном месте. Таким образом, предприятие не удалось Моисею, и он, зарезав четырех отборных баранов и связав их веревкой, переплыл через Нил назад. Зайдя на пути в небольшую хижину, он снял здесь с баранов кожу, лучшее мясо съел, а кожи выменял на вино и, выпив его до восемнадцати италийских мер, пошел в сборное место шайки, до которого оставалось еще пятьдесят поприщ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.